

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ОБЫКНОВЕННАЯ
БИОГРАФИЯ

Аркадий Петрович Гайдар

Обыкновенная биография

Серия «Школа», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24860711

Аннотация

«...С тех пор прошло многое: Октябрь, Боевая дружина сормовских рабочих, Особый революционный отряд, фронт, плен, гибель Чубука, прием в партию, пуля под Новохоперском и госпиталь.

Я отвернулся от странного зеркала и почувствовал, как легкое волнение покачивает и слегка кружит мою только что поднявшуюся с госпитальной подушки голову...»

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Аркадий Гайдар

Обыкновенная биография

Часть первая

В Воронежском военном госпитале я пролежал три недели. Рана еще не совсем зажила, но за последние дни прибывало много [раненых]¹ шахтеров с линии Миллерово – Луганск – Дебальцево. Мест не хватало. Мне выдали пару новых, пахнущих свежей сосною костылей, отпускной билет и проездной литер на родину, [в городок Арзамас].

Я надел новую гимнастерку, брюки, шинель, полученные взамен прежних рваных и запачканных кровью, – и подошел к позолоченному полинялому зеркалу [стоявшему в углу приемной].

Я увидел высокого, крепкого мальчугана в серой солдатской папахе самого себя с обветренным похудевшим лицом и серьезными, но всегда веселыми глазами.

[И узнавал я в себе и не узнавал того озорного четырнадцатилетнего мальчугана, который полтора года тому назад убежал из школы.]

Полтора года прошло с тех пор [когда, обозлившись, из отцовского маузера всадил я в паркетный пол школы пулю].

---

¹ Слова, зачеркнутые Гайдаром, печатаются в квадратных скобках.

И когда, испугавшись, убежал я из нашего города Арзамаса.

С тех пор прошло многое: Октябрь, Боевая дружина сормовских рабочих, Особый революционный отряд, фронт, плен, гибель Чубука, прием в партию, пуля под Новохоперском и госпиталь.

Я отвернулся от странного зеркала и почувствовал, как легкое волнение покачивает и слегка кружит мою только что поднявшуюся с госпитальной подушки голову.

Тогда я подпоясался. Сунул за пояс тот самый, давнишний маузер, из-за которого было столько беды в школьные годы, и, притопывая белыми, свежими костылями, пошел потихоньку на вокзал. Там спросил я у коменданта, когда идет первый поезд на Москву.

Охрипший суровый комендант грубо ответил мне, что на Москву сегодня поезда нет, но к вечеру пройдет на Восточный фронт санитарный порожняк, который довезет меня до самого Арзамаса.

И еще сердитый комендант дал мне записку на продпункт, чтобы выдали мне хлеб, сахар, селедку и махорку в двойном размере – как отпускнику-раненому.

Хлеб, сахар и селедку я положил в вещевой мешок, а махорку отдал на вокзале одному товарищу, который был еще раньше ранен и теперь опять возвращался на фронт.

Около года я не получал писем от матери. Сам я написал ей за это время два или три коротеньких письма, но адреса своего сообщить ей не мог, потому что в то время полевых

почтовых контор еще не было, да если бы и были, то и это не помогло бы, потому что орудовал наш маленький отряд больше по тылам сначала у немцев, потом у гайдамаков и у белых.

А из госпиталя, из Воронежа, я не писал нарочно – чувствовал, что мать, узнав о моей ране, только без толку расплачется и разволнуется.

Санитарный порожняк торопился на восток, где в это время шли крепкие бои с Колчаком. Уплывали одна за другою станции, чужие, незнакомые, но все так похожие одна на другую – забитые, грязные, кричащие, звенящие, лязгающие оружием, расцвеченные красными флагами и плакатами.

Мелькнет вокзал, красноармейцы, выстроившиеся с котелками возле дымящейся походной кухни.

Дернет за сердце прорвавшийся через грохот колес напев гармоника, дунет морозный ветер – запахом дыма, сена, лошадиного навоза и карболки.

Врежется в память посиневшее лицо рабочего-дружинника, опоясанного пулеметной лентой на вылинялой кожаной тужурке, отягощенной брезентовым патронташем.

Улыбнется и махнет рукой женщина, вероятно, работница. Да и какая там женщина – просто веселая девчонка с наганом у кожаного пояса.

И опять дальше поле, а в поле за сугробами далекие дороги и далекие деревни, села, и в каждой деревне свой Дежкин, в каждом селе свой Колчак, свои красные, своя нена-

висть и борьба.

Поезд прорвался за Муром, и вместе с ударами станционных колоколов сразу зазвучали имена станций, разъездов, полустанков, давно знакомых еще по детству, по школе, по семье... Мунтолово, Балахониха, Костылиха...

Давно ли? Нет, впрочем, давно, очень-очень давно – года четыре или лет пять назад отец взял меня с собой в Костылиху, куда ездил в гости к тамошнему учителю Федору Матвеевичу... Там мы спали на сеновале, потом пили чай с крыжовником, потом мы ходили купаться, и когда шли назад, отец и учитель и еще две какие-то хорошие женщины, то все они пели песню, которую я силился сейчас вспомнить, но никак не мог.

Отец гудел басом, как церковный колокол. А одна из хороших женщин, та, которую звали Маруся, пела так звонко-звонко, что я схватил ее за руку и так прошел с нею всю дорогу – тихонько и молча.

Потом, когда уже дома я рассказывал об этом матери, мама сказала мне, что эта Маруся нехорошая женщина, и заплакала... И когда отец стал успокаивать мать и стал говорить, что он и сам не находит в Марусе ничего хорошего, то и тогда я остался при своем убеждении, что эта Маруся все-таки хорошая.

Поезд прорвался мимо полустанка Слезевка. Впереди мелькнули бесчисленные церкви и монастыри Арзамаса, они росли, вырисовываясь все ярче, ярче... так что я теперь мог

уже различить и [широкую] гору собора, и тонкую, как мечеть, колокольню Благовещенской церкви, и даже старую пожарную каланчу.

Тогда поезд завернул влево и ушел в лес, в тот самый детский лес, в котором мне были знакомы каждый бугорок, каждая поляна и каждая ложбина.

Кто-то положил мне руку на плечо. Я обернулся. Передо мною стояла красная сестра с поезда.

– Приехали, – мягко сказала она. – Сойдешь, постарайся найти лошадь. А если не найдешь, то иди потихоньку и чаще отдыхай.

– Хорошо, – ответил я, – я потихонечку. – А сам о поспешностью, какую только позволяли мне мои костыли, затопал к дверям останавливающегося вагона.

Извозчиков не было. Стояло несколько подводчиков, приехавших за грузом на станцию. Я задумался. До города было километра четыре – сначала полем, потом через овраг, потом через перелесок. Такой длинный путь с моей простреленной ногой мне было пройти нелегко. Но делать было нечего. Я поправил вещевой мешок за плечами и пошел по гладкой, накатанной дороге. Я шел потихоньку, а мне хотелось бежать. Но когда я пробовал ускорить ход, костыли начинали скользить по обледенелым колеям или проваливаться в снег, а нога начинала неметь и ныть.

– Э-эй! – услышал вдруг я позади себя окрик.

Я хотел посторониться. Но посторониться было некуда,

потому что я был в ложбине, занесенной снегом, где только-только могла проехать одна лошадь. А в сугроб свернуть мне было нельзя...

– Эй, – окликнули меня опять сзади. – Дай дорогу!

Тогда я рассерженно обернулся и, опираясь на костыли, встал поперек пути.

С саней соскочил подводчик, подошел ко мне и, разглядев, в чем дело, сказал, смутившись:

– Садись, солдат, подвезу.

Я взобрался на сани, груженные мешками с овсом... и с любопытством посмотрел на подводчика.

Ему было лет сорок, он был небрит, нос его был красен, щеки одутловаты, на голове у него была заячья шапка с ушами, а одет он был в [старую] форменную шинель – такую, какие носили раньше учителя и акцизные чиновники...

«Неужели это он? – подумал я. – Конечно, он!»

– С какого фронта? – спросил подводчик, завертывая толстую сигарку из махорки.

– С Южного, – ответил я ему, улыбаясь. – Александр Васильевич, это вы, а это я.

– Что значит «это вы, а это я»? – удивленно переспросил он, вынимая изо рта сигарку и поднимая на меня мутные маленькие глаза. – Го-о-ориков? вполголоса вскрикнул он. – Го-о-ориков! – Он снял толстую брезентовую рукавицу и протянул мне руку: – Ну, здравствуйте.

– Здравствуйте, – весело ответил я. – Как живы-здоровы,

Александр Васильевич?

– Жив... – ответил он, – и жив и здоров... А вы, я как вижу, не совсем?

– Нет, и я совсем! Я тоже и жив и здоров, а это... – и я толкнул рукой костыль, – это пустяк, это временно.

Лошадь тихонько бежала по узкой дорожке через перелесок. Мы оба замолчали. Каждый из нас думал о своем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.